

УДК 323

Феофанов К.А.

(г. Москва)

РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее одиозные и связанные друг с другом проблемы российской внутренней политики – неразвитость правового государства и сверхвысокие показатели коррупции. Детально рассматриваются факторы цивилизационного развития Запада, Востока и России, оказавшие решающее значение на формирование ключевых правовых систем современности и формы регулирования коррупции. Исследуются особенности российского цивилизационного потенциала, детерминирующие проблемы правового государства и минимизации коррупции.

Ключевые слова: цивилизационные детерминанты; правовые системы современности; Запад; Восток; Россия; правовое государство; коррупция; минимизация коррупции.

K. Feofanov

(Moscow)

CIVILIZATIONAL POTENTIAL OF RUSSIA AS A LEGAL STATE AND MINIMIZATION OF CORRUPTION

Abstract. The article is devoted to the most odious and related to each other problems of Russian domestic politics, i.e.: the underdevelopment as a law-based state and the extremely high rates of corruption. The factors of civilizational development of the West, East and Russia that have had a decisive influence on the formation of the key contemporary legal systems and forms of regulation of corruption are discussed in detail. The article presents special features of the Russian civilizational potential, as well as the determining problems of the legal state and the minimization of corruption.

Key words: civilizational determinants, contemporary legal systems, the West, the East, Russia, legal state, minimization of corruption.

На фоне украинского прозападно-контрросийского цивилизационного реванша [12] заметно усилилось внимание российских политиков и учёных к внешним угрозам и несколько снизился интерес к внутренним социально-политическим проблемам. Так, в обращении Президента В.В. Путина к Федеральному собранию в декабре 2013 г. слово «коррупция» упоминается 3 раза, тогда как в декабре 2014 г. – ни разу [9]. Внутренние

угрозы, тем не менее, не только не стали меньше, а значительно усилились вследствие одновременной реализации нескольких негативных сценариев (падение мировых цен на нефть, западные санкции, «импортозамещение», падение курса рубля и др.). В числе наиболее одиозных проблем российского внутреннего развития – неразвитость правового государства и исключительно высокие показатели коррупции. Ключевой детерминантой имеющихся проблем являются цивилизационные процессы, имеющие глубокий, фундаментальный, детерминирующий характер и обладающие инерционностью, консервативностью и устойчивостью.

Наиболее известные классификации цивилизаций основаны на соответствии религиозным традициям, но наиболее фундаментальными являются цивилизационные кластеры, основанные на либеральной и традиционной моделях. Это принципиально различные способы организации общественной жизни по многим ключевым параметрам, таким как содержание ценностей и норм, особенности культуры, деятельность социальных институтов и господствующие традиции. В основе либеральной модели – традиции западного и северного католического и протестантского христианства, в основе традиционной модели – устои восточных и южных религий – православного христианства, ислама, индуизма и буддизма.

Основы западной цивилизации можно усматривать в античной и христианской эпохах, в древнем Египте, Реформации и Просвещении. Представители данной «великой исторической цепи» во все эпохи провозглашали превосходство над иными, «варварскими» культурами, вместе с идеей прогресса поставленное под сомнение в ходе мировых войн XX в. (образ прирученного зверя, время от времени срывающегося с непрочного поводка цивилизации). Каждая из исторических эпох внесла свой уникальный вклад в основы современного западного общества, его культуру (философия, литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, спорт), политическое устройство (демократия, аристократия, олигархия, анархия, тирания, государственное управление), правовое устройство (романо-германская правовая система в Южной Европе и прецедентное, англо-саксонское право в Северной Европе, США и Канаде, вещные права, обязательственное право, семейно-правовые отношения, частная собственность, наследственное право, состязание равноправных сторон в суде, достоинство личности, иски, индивидуализм, личная ответственность).

Политико-правовым результатом западных цивилизационных влияний являются приоритет личности как субъекта и цели правовых отношений, легализм как монополия государственной власти на установление и преобразование права в сочетании с подчинением этому праву всех элементов общества, и интеллектуализм как постижение правового бытия,

выявление единой сущности в разнообразии правовых явлений, абстрактный, понятийный и системный характер правового мышления, научные формы правовой аргументации. Цивилизационные предпосылки детерминируют общие для всей западной цивилизации правовые ценности и нормы, основы культуры, социальные институты и традиции, формирующие политические системы современных обществ [17, с. 31].

Отражая институциональные и ценностно-нормативные аспекты взаимодействия управляющих и управляемых, политическая система реализуется в политических режимах – приоритетах государственного управления, характере реальных прав и свобод граждан, степени реального соблюдения конституционных, гражданских, уголовных и иных норм, приоритете «права силы» по отношению к «силе права» или наоборот.

Исторически значительно более распространённым типом взаимодействия политической системы с правом является её господство над ним. Исключение составляют древние доклассовые демократии с нормативным приоритетом обычаев и, в значимой степени, современные западные общества (во всяком случае, до активизации массовых коммуникативных технологий во второй половине и особенно в последние десятилетия XX в., данную позицию по поводу западных обществ разделял, например, классик немецкой социологии права Н. Луман). Механизм обретения независимости западным правом описывается следующим образом: возникающие сомнения по поводу способности позитивного права регулировать общественные отношения способствуют значительному росту его рефлексивности, способности к саморегуляции и доминированию во взаимодействии с политической системой (позитивное право с древности противопоставлялось «естественному» праву присущих человеческой природе, вневременных и надцивилизационных ценностей и норм) [22, с. 39–45].

От степени самостоятельности права зависит форма политического контроля над вмешательством государства, элит, групп интересов в правовую сферу, степень ориентированности судебной практики на желательные с точки зрения частных интересов результаты, процессы и масштабы незаконной легитимации и, наконец, распределение престижных и непрестижных областей профессиональной специализации юристов (например, в тоталитарном обществе могут быть недостаточно востребованы гражданские специализации юристов, и только уголовные пользуются большим спросом). Указанные факторы вследствие целостности правовой системы оказывают значительное влияние друг на друга, благодаря чему их суммарный эффект часто бывает непредсказуем. Однако при превышении общей критической массы по нескольким параметрам происходит существенное изменение формы зависимости права от политической системы, и право-

вые нормы начинают подвергаться активной критике и пересмотру. Как следствие, изменяется вся совокупность правил, затрагивающих принятие новых правовых решений [22, с. 43].

Данные цивилизационно-детерминированные особенности западного политико-правового устройства отнюдь не исключают вариативности в различных странах Европы и Америки, обусловленной различными социально-историческими факторами, и в первую очередь, конфессиональной распространённостью. Так римско-католическая церковь наиболее влиятельна в Южной, а протестантизм в форме лютеранства, кальвинизма и англиканства – в Северной Европе. К католической Южной Европе примыкают западославянские народы и государства (чехи, словаки, словенцы, поляки). Южные (сербы, черногорцы, болгары, македонцы) и восточные (русские, украинцы, белорусы) славяне после церковного раскола 1054 г. сформировали особую цивилизационную группу, основанную на православном христианстве, принятом из греческой Византии.

Границы цивилизационных и правовых систем (семей) необязательно проходят по государственным границам государств, но в большей степени связаны с этносами, впитавшими воздействие различных цивилизационных конгломератов [11]. Анализ цивилизационно-правовых детерминаций (романо-германская и англо-саксонская традиции в Бельгии, Швейцарии, Германии) показывает, что правовые системы нескольких современных европейских стран являются в той или иной степени кросс-цивилизационными.

Для восточных (азиатских) правовых систем, прежде всего исламской, индульской и буддийской, по численности охватываемого населения наиболее распространённых в современном мире, характерен приоритет традиций, представленных в виде определённого набора представлений, обычаев, навыков и привычек практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение. Этот комплекс основанных на религии ценностно-нормативных и культурно-институционально-традиционных образцов при минимальной рецепции элементов западного (европейского) права, которое всё же оказывает воздействие через прошлый метрополюбно-колониальный опыт и современные процессы глобализации, всегда является детерминирующим в конкретной правоприменительной практике.

Так, исламское право (шариат – «путь, которым нужно идти») затрагивает основные жизненные сферы – государственные и административные отношения, отношения мусульманской общины с другими общинами, отношения собственности, обмена, личных имущественных связей, брак, развод, родство, воспитание детей, завещание, наследование по закону, опека, попечительство, ограничение правоспособности и т. д. Источниками

мусульманского права являются Коран – священная книга ислама и основа мусульманского права, сунна – совокупность предписаний о высказываниях и делах пророка Мухаммеда, имеющих правовое значение, иджма – единое мнение авторитетных правоведов ислама и кияс – суждение по аналогии в вопросах права. По содержанию все нормы мусульманского права делятся на предписания, содержащие оценку поступка человека (поступки разделяются на пять категорий: обязательные, рекомендуемые, безразличные, порицаемые, запрещаемые); предписания, формирующие правила поведения, а также определяющие условия и последствия деяний. По степени принуждения различаются императивные нормы (их большинство) и диспозитивные нормы.

Санкции в исламском праве не являются чётко определёнными: важнейшей является такая религиозная санкция, как «состояние греха». В отдельных сферах общественных отношений (отрасль личного статуса) нормы права исполняются добровольно, практически без государственного вмешательства. Юристы привержены неизменной и неподвижной системе. Не допускается говорить о каких-то заимствованиях мусульманским правом иностранных идей и положений. Однако за пределами персонального статуса (лицо, семья, наследование) исламское право допускает вестернизацию, заимствование норм романо-германского и общего права (конституционное право, административное право, уголовное право, трудовое право) [1]. Право создаётся независимо от правителя другими источниками; он лишь издаёт указания по применению принципов права. Доктрина ислама не допускает, чтобы законодатель мог изменять нормы права, составляющие священное мусульманское право; это запрещение не препятствует тому, чтобы различными путями – полицейскими или процессуальными – властитель в мусульманских странах фактически парализовал действие той или иной нормы или подчинил её применение различным условиям, не затронув ортодоксальных принципов [2].

Индусское право, распространённое в Индии и ряде других государств, также регламентирует преимущественно личный статус, включая неимущественные и имущественные правоотношения. В индусском праве кастовая социальная иерархия традиционно предполагает различные системы прав и обязанностей для различных каст и подкаст, в которые люди входят с момента рождения. Возникающие споры разрешаются собранием касты с опорой на общественное мнение. В случае спорности вопроса судья решает дело «по совести и справедливости». Законы и судебная практика не являются источником права и играют вспомогательную роль. Британское владычество способствовало модернизации и ограничению индусского права узким кругом отношений (наследование, брак, касты, религиозные

отношения). После провозглашения независимости Индии в 1947 г. индуское право было упорядочено и кодифицировано, система каст отвергнута, институт брака и наследования реформирован (установлен минимальный брачный возраст, брак стал рассматриваться как договор, запрещено многожёнство, разрешен развод, женщины включены в круг наследников). Однако в деревнях большинство индусов продолжают жить в соответствии с нормами индуского права [1].

В буддийских обществах право играет вспомогательную роль и не является средством обеспечения социального порядка и справедливости. Считается, что человек должен руководствоваться не юридическими мотивами, а стремлением к гармонии и миру. При разрешении конфликтов доминируют правила вежливости, приличия, морали, чести, общественной гармонии, а не право. Суд редко используется для защиты личных интересов. Идеальной является ситуация, когда законы вообще не применяются, а судебные решения – не выносятся. Неприязнь к праву усугубляется плохой организацией правосудия. Так, правосудие в Китае в течение веков отправлялось администраторами, сдававшими для занятия поста экзамены литературного характера. Они не знали права и руководствовались советами своих чиновников, принадлежащих к наследственной касте. В Японии традиционно отсутствовали идея права, правовые школы, профессиональные судьи, прокуратура, адвокаты и нотариусы. Несмотря на вестернизацию японского права в эпоху Мэйдзи после 1868 г. и радикальные реформы законодательства после 1945 г., применение права сегодня противоречит национальной японской психологии, не приемлющей идеи индивидуализма, западного либерализма. Право по-прежнему считается обезличивающим человеческие отношения, а суды в основном занимаются примирением сторон и используют технику уклонения от применения права. Произвол полиции практически не осуждается. Число юристов немногочисленно, а разбирательство дел в нижестоящих инстанциях часто происходит без участия адвокатов [1].

Ключевыми историческими факторами, обусловившими формирование «смешанных» восточнославянских цивилизационных основ, распространённых на территории современных России, Белоруссии и Украины, представляются следующие. Во-первых, это принятие христианства в Киевской Руси с наследованием характерных для Византии восточных цивилизационных моделей, таких как «вертикальное» управление и налоговая система, отсутствие сословной замкнутости господствующего класса и развитая вассально-иерархическая система. Во-вторых, это нашествие Золотой Орды (Улус Джучи) в XIII в., обусловившее изоляцию от европейских процессов Возрождения и Реформации и развитие жёсткого «вертикального»

управления, крепостного права и неограниченной власти руководителя над подчинёнными в условиях баскаческого контроля и карательных походов. Иллюстрируя значительное восточнославянское своеобразие, помимо ига Золотой Орды к числу российских цивилизационных детерминант обычно относят пространственно-территориальные, природно-климатические, экономико-производственные, миграционные, трансформационные, модернизационные, межэтнические и военные факторы.

После свержения ига Золотой Орды защита обширной территории как от восточных, так и от западных завоевателей происходила на основе уже преимущественно сформированного национального управленческого менталитета. Необходимость быть постоянно готовыми к отражению военных угроз способствовала ещё большему усилению вертикальной, исключительно антидемократической составляющей российского цивилизационного кода, прочно вошедшего в ценности и нормы, культуру, институты и традиции многих десятков поколений восточных славян – русских, украинцев и белорусов.

Драматично, что преднамеренное заимствование отдельных культурных и технологических инноваций с Запада в петровскую эпоху уже осуществлялось на принципах насильственного и противоестественного насаждения на фоне восточного самодержавного управления и психологии, полного отсутствия значимости прав человека и индивидуального достоинства личности, подчинения внутреннего развития военным целям, пассивности и управляемости горизонтальных связей и отношений. Данные цивилизационно-детерминирующие факторы указывают на развитие в течение II тысячелетия от Рождества Христова на территории восточнославянских государств правового устройства, характерного для традиционно-космогенных цивилизаций с исключительно высокой подчинённостью права решениям политической системы и особенно воле единоличного правителя и политическому режиму. Данные процессы особенно усиливались в условиях тоталитарных, деспотических и авторитарных режимов и отличались условно-относительным ослаблением в годы недолгих спускаемых сверху властвующими политическими субъектами «оттепелей».

Для российской правовой системы поэтому цивилизационно характерны исключительно устойчивые многовековые традиции абсолютного подчинения права политическому устройству («закон что дышло, куда повернул, туда и вышло»). «Восточная» слабость российского права в условиях приоритета конвенциональных и моральных регуляторов на практике привела к «неправовому насилию». Менее ста лет назад российский правовед, философ и историк Б.Н. Чичерин так охарактеризовал российские правоприменительные реалии: «Юридическое образование отсутствует,

законодательство представляет собой хаос, в котором не могут разобраться даже специалисты, впрочем, о наличии последних можно говорить лишь весьма условно – принятие всех правовых решений находится в руках канцелярских крючкотворов и взяточников, решающее значение имеют не научно-юридические, но совершенно иные “аргументы”. Для России “официальное право” – нечто абсолютно чуждое и внешнее, с чем лучше вообще не сталкиваться; сознание обязательности правовых норм совершенно отсутствовало, знание их содержания было чрезвычайно ограниченным и фрагментарным. Вплоть до Октябрьской революции жизнь большей части населения России – крестьян – нормировалась не писаным, а путаным обычным правом. Спорные вопросы решались “тёмным и небезупречным” волостным судом, либо в административном порядке сходом и властью начальства. ...В ходе революции и гражданской войны в отношениях между классами никакого права больше не оставалось, господствовало голое насилие. Ни рабоче-крестьянская масса, ни партбюрократическая верхушка не поняли и не приняли право как внутреннюю необходимость. В их правосознании отсутствовало представление о праве как самостоятельной ценности неутилитарного характера» [1].

Приведённые определения точно характеризуют цивилизационные предпосылки и национальный менталитет, уходящие вглубь восточнославянской – российской, белорусской, украинской – национальной истории. Правовая необразованность и путаное законодательство в условиях абсолютного владычества силы и власти, в советское время упроченные официально узаконенным государственным террором против «врагов народа» и самого народа, привели к устойчивому правовому нигилизму, полному непринятию права как регулятора отношений и источника справедливости гражданами и институтами, утилитарно не связанными с государством.

Как видим, в многообразии современного мира цивилизационно ограничиваются два принципиально различных способа регуляции общественной жизни – западный и восточный (последний также можно назвать незападным, а первый – невосточным). Несмотря на дискуссию о реалиях западного правового государства (расовая, национальная и религиозная нетерпимость, права детей, слежение за инакомыслящими и потенциальными террористами, похищение людей, секретные тюрьмы ЦРУ, применение пыток и «насаждение демократии» в ряде западных стран) [3], правовое устройство западных, прежде всего европейских стран, продолжает оставаться многократно более развитым с точки зрения соблюдения норм правового государства. На Западе право всё ещё продолжает иметь реальную силу и по-прежнему является работающим регулятором общественных отношений (в условиях возможного вмешательства в процесс регуля-

ции политической власти и структур гражданского общества). В отличие от Запада, право на Востоке продолжает существовать только как некоторая абстрактная возможность, обусловленная метропольно-колониальным опытом и иными формами западного влияния.

Данное влияние, как правило, воспринимается в незападных странах как чужеродное и имеет весьма поверхностный, ограниченный и формальный характер. Оно не только не способствует превращению права в реальную силу – регулятор общественных отношений, но нередко вообще не осознаётся в качестве альтернативы традиционно-общинному пути развития или имеет квазиправовой характер, сочетая юридический эклектизм как смешение правовых (воплощающих свободу личности) и неправовых (исключающих такую свободу) элементов в юридической системе; механическое копирование буквы западных правовых норм без усвоения в то же время их особого («либерального», «антропоцентристского») духа; имитационность («подделка» под право) – законы текстуально выглядят как правовые, но правовым образом не работают – отсутствует механизм их исполнения, нет доброй воли и готовности к реальному проведению правовых норм в жизнь (причём не только у власти, но и во многом у «рядовых» индивидов) и многое другое. Это говорит о том, что незападное социокультурное пространство даже при объявленных правовых преобразованиях сохраняет неправовую инвариативность (неизменность), «хранит верность» своей прежней (традиционной, нелиберальной) сущности [10].

В ситуации недейственности и эфемерности квазиправа, не являющегося реальным регулятором ключевых сфер общественных отношений в восточных обществах, коррупционные взаимодействия регулируются традиционно-общинными, конвенциональными установлениями, властеклановыми и межклановыми договорённостями. Ключевое значение при этом имеет незначительное место права в политических системах восточных обществ, а западные, квазизападные и имитационные элементы в действующих правовых системах не имеют реального значения и только усиливают фундаментально неправовой (не регулируемый правом) характер коррупции.

Несмотря на возможность довольно активного участия «рядовых граждан» в социализации и других механизмах трансляции общинно-традиционных ценностей, это участие замкнуто на религиозные, семейные и соседские общины, и реализуется в совершенно иной плоскости, чем это имеет место в западном гражданском обществе как самопроявлении свободных граждан и добровольно сформировавшихся союзов, отстаивающих интересы в противостоянии с государством, в том числе в вопросах регулирования коррупционных процессов в сторону их уменьшения.

Вместе с тем, именно западное право в современном мире является уникальным цивилизационным изобретением, главным регулятором и ограничителем коррупции. Только правовые механизмы позволяют разграничивать правовое и неправовое (противоправное, противоречащее праву) поведение, и на основе данного разграничения делать некоррупционное поведение предпочитаемым, желательным и предписываемым, а коррупционное поведение – непредпочитаемым, нежелательным и запрещаемым. Позитивные и негативные санкции, цивилизационно сформировавшиеся в западном обществе и зафиксированные в Уголовном и других кодексах и транслируемые оттуда в политические решения власти и активность гражданского общества (а не наоборот), являются наиболее эффективным выработанным человечеством антикоррупционным механизмом. Он является неотъемлемой (встроенной) частью цивилизационно-правовых систем и позволяет автоматически регулировать и контролировать как предупреждение фактов коррупции, так и реализацию коррупционных прецедентов в случае их возникновения. Конечно, помимо права как оптимального регулятора даже в западных странах существует фактор политической власти, которая время от времени может в собственных интересах законно, незаконно или полузаконно вмешиваться в правовые процессы.

Анализ цивилизационных детерминант коррупции и механизмов общественной регуляции коррупционных отношений в различных цивилизационно детерминированных обществах, позволяет констатировать фундаментальную значимость цивилизационных особенностей для изучения, понимания и объяснения ситуации с коррупцией в конкретной стране и при разработке мер общественно-политического регулирования коррупции. Очевидно, что наиболее фундаментальные и потому с неизбежностью реализующиеся в конкретных обществах, цивилизационные детерминанты коррупции могут быть поняты только на основании анализа многовековых корней и тенденций различных конфигураций западных, восточных и смешанных обществ. Реально работающие регулятивные и минимизирующие меры могут быть разработаны только с учётом цивилизационных детерминант. Например, попытки объяснить появление коррупции в России переходом от сталинского «военного коммунизма» к хрущёвской «оттепели» в середине XX в., хотя и отражают важную историческую и политическую веху в развитии российской коррупции, а именно ослабевание наиболее эффективных, тоталитарных властно-принудительных антикоррупционных регуляторов, но не раскрывают более глубоких причин, действовавших как в досталинское, так и в постсталинское время (по мнению теоретиков Общественного антикоррупционного комитета, «именно тогда зародились коррупционные механизмы об-

щественных отношений современной России». Представляется, что коррупционные механизмы общественных отношений современной России «зародились» семью столетиями раньше [16].

Отношение к коррупции и этическая оценка этого социального и правового феномена весьма различается в западных и восточных обществах. Согласие, скорее всего, имеет место только в отношении исключительно узкого круга явлений, считающихся «абсолютно коррупционными» и «безусловно преступными». В число данных явлений входят только создающие угрозу для национальных интересов и национальной безопасности, отдельные коррупционные деяния в сфере политической, «высокой» коррупции, интерпретируемые как «предательство национальных интересов». Как в западных, так и в восточных обществах вполне может признаваться исключительная социальная вредность и недопустимость данных «высоких» и «чёрных» форм коррупции (согласно терминологии А. Хайденхаймера). Однако в восточных обществах коррупционные действия в бизнесе и на бытовом уровне («белая коррупция») отнюдь не считаются предосудительными, являются интегрированными в культуру и не воспринимаются как проблема, поскольку они «всего лишь» соответствуют принципам кумовства и покровительства, тысячелетиями институционализировавшимся в данных обществах. Пограничными и наиболее конфликтогенными являются социальные практики «серой» коррупции, вокруг которых не существует общественного согласия и возникают общественные скандалы [21].

Тем не менее, «белые», «чёрные» и «серые» разновидности коррупции в любой стране мира, независимо от цивилизационной специфики, по оценкам экономистов и политологов, являются серьёзным препятствием для экономического роста и развития. Они способны поставить под угрозу любые общественные реформы и позитивные преобразования [19]. Поэтому различные страны, независимо от цивилизационной специфики, в целом озабочены такими явлениями, как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (определение приведено по Федеральному закону Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [13]. Данная редакция Федерального Закона соответствует Конвенциям ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и об уголовной ответственности за коррупцию от 27

января 1999 г.). Однако политические и организационные формы борьбы с коррупцией существенно различаются в западных и восточных странах.

Западные формы борьбы с коррупцией опираются на веками сформировавшиеся принципы правового государства и гражданского общества как субъектов, ограничивающих возможность неправового поведения органов власти, воспринимаемого как отклонение от должного состояния легитимности в результате действия субъектов в соответствии с индивидуальными корыстными интересами. Главным направлением западной борьбы с коррупцией выступает усиление правовых приоритетов и действенности права, в том числе посредством «автоматического правоприменения» – возбуждения уголовных дел и последующего осуждения нарушителей. В соответствии с данными международной организации Transparency International за 2014 г., наименее коррумпированными странами являются Дания, Новая Зеландия и Финляндия. В первой десятке государств с наименьшим уровнем коррупции также оказались Швеция, Норвегия, Швейцария, Сингапур, Нидерланды, Люксембург и Канада. США заняли 17-е место в списке, отставая от многих стран Евросоюза, но опережая все незападные страны, кроме Японии и Гонконга (индекс восприятия коррупции отражает восприятие гражданами положения дел с коррупцией в отдельных странах бизнесменами и аналитиками, как зарубежными, так и представляющими сами страны) [20].

Восточные формы борьбы с коррупцией опираются на абстрактное, продиктованное чуждыми вневосточными принципами, требование-пожелание: «С сегодняшнего дня не должно быть никакой коррупции!». В выступлениях восточных лидеров могут провозглашаться любые постулаты цивилизованности и правовой государственности, однако делается это в соответствии с внешними по отношению к цивилизационным основам нации идеями соответствия (прежде всего западным или «международным» правовым принципам, например, для вхождения во всемирные, евразийские и региональные организации). Никакие выдуманнные меры восточной антикоррупционной борьбы не могут поколебать веками установившиеся конвенциональные и по сути коррупционные соглашения между родовыми кланами и другими общественными субъектами. В меньшей степени коррупция высших кругов власти (политики и высшие чиновники) и в большей степени низовая коррупция в средних и нижних органах власти, имеющая институциональный, системный и систематический характер, поэтому будет в обозримом будущем оставаться неотъемлемым атрибутом восточных (неправовых) обществ. Усилия заинтересованных субъектов в области регулирования и ограничения коррупции могут влиять на уровень и масштабы распространения, время от времени сдерживая те или иные виды коррупционных преступлений.

Но в целом отменить коррупцию на Востоке невозможно, поскольку в восточном цивилизационном менталитете коррупционное поведение является не преступлением, но неотъемлемым, сформировавшимся веками и тысячами институциональным компонентом значимых общественных отношений (например, отношение к руководителю как к «отцу» в конфуцианстве предписывало обязательное преподнесение подчинёнными подарков, что в западном мире считается «взятничеством», осуждается и уголовно преследуется). Исключительно высок уровень коррупции в Бангладеше и Индонезии. Считается несколько лучшей ситуация во Вьетнаме, на Филиппинах, в Индии и Пакистане. Ещё более благоприятна ситуация в отношении коррупции в экономически развитых азиатских странах – так называемых новых индустриальных государствах «второй волны»: в Китае, Таиланде и особенно на Тайване и в Малайзии [18]. Наиболее одиозные масштабы коррупции характерны для стран Центральной Азии – бывших республик СССР. Представляется, что в данных республиках в результате советско-российского влияния в продолжение XX в. подверглись социально-политическому размыванию прежде более сильные и устойчивые традиционные регуляторы общественной жизни. Например, махалля в исламских странах ещё со времени основания ислама представляла собой часть города размером с квартал, жители которого осуществляли местное самоуправление, решали вопросы организации быта и досуга жителей и несли ответственность перед вышестоящими органами городского управления за обеспечение правопорядка, а нарушение социальных и моральных норм вело к осуждению, значимому для любого человека [8]. Так, по уровню коррупции Узбекистан занимает 166-е место, Туркменистан – 169-е место, Таджикистан – 152-е, Россия, Камерун, Иран, Кыргызстан, Ливан и Нигерия – 136-е место в мировом рейтинге коррумпированных государств [20].

Смешанные (западно-восточные) правовые системы значительно отличаются друг от друга по степени вовлечения западных и восточных цивилизационных основ, обуславливающих степень реальной опоры общества на право в регулировании коррупционных явлений. Восточноевропейские (бывшие социалистические) страны, испытавшие советско-российское влияние в XX в., в значительно большей степени, чем либеральные западноевропейские страны, подвержены распространению коррупции и теневой экономики. Помимо восточного цивилизационного влияния, транслированного таким образом в восточноевропейские страны, значительную роль играют географическое положение, прежние межстрановые контакты, национальные особенности и исторический опыт. Например, уровень коррупции в Румынии и Болгарии значительно превосходит аналогичные показатели в соседних Венгрии и Чехии. Во всех восточноевропейских стра-

нах, в том числе западных республиках бывшего СССР, имеет место та или иная конфигурация борьбы коррупционного и некоррупционного сценариев развития, западных и восточных, правовых и внеправовых способов регулирования коррупции. Так, в Молдавии, Украине и Белоруссии уровень коррупции довольно высок, тогда как в Латвии, Литве и, особенно, Эстонии ситуация значительно лучше и по основным параметрам приближается к западноевропейским.

Особое место в ряду стран со смешанными цивилизационными детерминантами коррупции занимает Россия. В силу рассмотренных исторических и цивилизационных причин в России, как и в ряде центрально-азиатских республик бывшего СССР, оказались довольно слабо развиты как западные правовые, так и восточные внеправовые, традиционные регуляторы. Именно данный комплекс цивилизационно детерминированных причин привел к тому, что по результатам исследований Transparency International, Россия занимает 136-е место из 174 возможных (2014), соседствуя по уровню распространённости коррупции с Камеруном, Ираном, Кыргызстаном, Ливаном и Нигерией (2014) [20].

История борьбы с коррупцией, как и сам цивилизационный феномен коррупции, насчитывает несколько столетий (известны исторические свидетельства, датированные XIII в.). Представляется, что ограничивать коррупцию российские правители стремились уже с самого момента её возникновения, осознавая угрозы для общества и собственной безопасности. Известно, что для борьбы с коррупцией нередко предпринимались кровавые меры, такие как народная расправа над мздоимцами в середине XVII в. В период правления Петра I и после петровских западных цивилизационных заимствований вплоть до революций 1917 г. многие российские самодержцы принимали указы, решительно осуждающие коррупцию. Неоднократно создавались царские комиссии для изучения причин данного явления и разработки мер по борьбе с ним. Нередко «волны» борьбы с коррупцией, каждый раз инициировавшие применение новых (забытых старых) антикоррупционных мер обуславливались политическими причинами. Но ни штраф, ни ссылка, ни смертная казнь, довольно часто применявшиеся к преступникам, не смогли остановить процветание данного явления. При всех предпринимаемых мерах борьбы довольно развращающе на ситуацию с коррупцией действовали, говоря современным языком, «двойные антикоррупционные стандарты» в отношении царских приближённых, на деяния которых милостиво закрывались глаза, и «всего остального населения». Например, генералиссимус А.Д. Меншиков, в 1719 г. обвинённый в хищении государственных средств и вернувший в казну 100 тысяч червонцев, был «прощён» Петром I.

И даже беспощадная борьба с коррупцией в советскую эпоху не привела к устойчивым результатам. Как только возникали послабления, по сравнению с тоталитарным режимом сталинской эпохи, ситуация сразу же выходила из-под контроля. Даже наличие в Уголовном кодексе СССР высшей меры наказания за получение взятки не могло отменить или в значительной степени ограничить коррупцию. В начале 90-х гг. XX в. наказания за коррупцию были существенно смягчены, смертная казнь отменена. Несмотря на введение в 1990-е гг. ряда дополнительных мер по борьбе с коррупцией, рыночная экономика с её культом денег и стремительное обогащение российских олигархов оказали на ситуацию с коррупцией развращающее влияние. Во второй половине 1990-х гг. и начале XXI в. имела место всё большая «либерализация» коррупции (по имеющимся оценкам, 80% граждан России сталкивались с проявлениями коррупции в государственных учреждениях и организациях). Расширение масштабов данного явления происходило практически независимо от разрабатываемых властью антикоррупционных мер. Разработка мер борьбы подчинялась своей логике, а практика коррупционных взаимодействий на местах – своей. Различные формы взяток и «откатов» сегодня повсеместно считаются необходимым условием жизни, а старая формула «не подмажешь – не поедешь» в последние годы стала нормой жизни, масштабы распространения которой значительно превзошли царское, советское и даже «ельцинское» время и отнюдь не проявляют тенденции к уменьшению. В период 1999–2014 гг. произошло ещё большее ухудшение ситуации, обусловленное внутренними российскими социально-политическими факторами при крайне благоприятных внешних социально-экономических условиях (мировые цены на нефть) [20].

Поскольку наиболее эффективным изобретённым человечеством нетоталитарным социальным регулятором коррупции является западное право (что полностью подтверждается мировыми показателями Индекса восприятия коррупции), а Россия цивилизационно не является страной с правовым регулированием коррупции, наша страна обречена на принципиальную невозможность когда-либо перейти в верхнюю часть списка. Подобный переход может оказаться возможным только в случае радикальной перестройки всего мирового сообщества, вызванной природными бедствиями или иными находящимися вне возможностей политологического анализа космическими, эзотерическими причинами. Представляется, что кризисные процессы в мировой политике и экономике, падение мировых цен на нефть, вынужденная необходимость перепрофилирования экономики с импортозависимости на импортозамещение и проч., в отличие от прежних исключительно благоприятных внешних предпосылок, теперь уже являются сдерживающими внешними факторами, и какой-либо прогресс в

антикоррупционной борьбе может быть достигнут только вследствие успехов внутриполитического развития. В условиях кризиса повсеместно возрастает нагрузка на общество, которое в целях повышения управляемости и эффективности скорее склонно увеличивать идеологический авторитаризм, штрафы и наказания, чем способствовать развитию гражданского общества и разрабатывать новые эффективные меры борьбы с коррупцией, столь невыгодные российской управленческой элите.

Отчасти цивилизационные детерминанты коррупции звучат как приговор, безапелляционно ограничивая возможности борьбы с коррупцией в России. Однако даже в рамках имеющихся цивилизационных ограничений политическая воля руководителей является сильным антикоррупционным потенциалом. Наиболее эффективным средством борьбы представляется балансирование российского «управления коррупцией» между социально-политическими и ценностно-ментальными факторами, сопровождающееся преднамеренным и целенаправленным «дрейфом» в сторону сдерживающих мер и общей управляемости коррупции. Невозможно одновременно, актом воли правителя ввести западную (правовую) систему регулирования общественной жизни (которой в России никогда не было, а были лишь её отдельные элементы). Также невозможно Президентским указом ввести сильное гражданское общество, которое в силу цивилизационных причин не развивается в России нормальным образом, «снизу вверх», и без которого невозможно общественное сдерживание коррупции («сверху вниз» его развить также невозможно, это будет совсем не гражданское общество в западном понимании данного термина – характерным примером является Общественная Палата России, созданная «сверху» и не соответствующая ключевым характеристикам институтов гражданского общества).

Помимо цивилизационных коррупциогенных факторов (которые имеют фундаментальное, детерминирующее значение), негативное влияние на современную Россию оказывают «текущие развращающие факторы», такие как социально-политическая и экономическая конъюнктура, для России это прежде всего нефтедобыча. В число стран, на уровень коррупции которых оказывает влияние нефтяная отрасль, также входят Ангола, Азербайджан, Эквадор, Иран, Ирак, Ливия, Нигерия, Судан, Венесуэла, Чад, Йемен. По оценкам международных экспертов, система заключения государственных контрактов, связанных с нефтедобычей, в этих странах буквально пронизана коррупцией, в результате чего подавляющая доля доходов от производства и продажи нефти оседает в карманах менеджмента западных компаний, посредников и местных чиновников. Несмотря на теоретическую возможность принятия в этих странах эффективных мер по борьбе с коррупцией (таких как информационная прозрачность и открытость при заключении конкурсных контрактов

и выдаче лицензий на нефтедобычу и переработку, раскрытие информации по ряду параметров сделок, добровольное опубликование нефтяными компаниями размеров вознаграждений и отчислений правительствам тех стран, в которых они работают [4]), данные меры не принимаются, поскольку не могут опереться на необходимые правовые регуляторы и исключительно выгодны правящим политическим режимам и политической элите.

В целом цивилизационные и иные отягощающие факторы давно сложились в России в систему коррупционных взаимодействий, реализующихся на всех уровнях общественных отношений (государственном, коммерческом и политическом). Коррупция в России приобрела централизованный характер «снизу вверх» (взятки, регулярно собираемые нижестоящими чиновниками, делятся между ними и вышестоящими), а по уровню распространения коррупционных отношений затрагивающая низовой (коррупция в низшем и среднем эшелонах власти), верхушечный (коррупция у высших чиновников и политиков) и международный уровень (коррупция в сфере мирохозяйственных отношений). По степени регулярности коррупционных связей российская коррупция приобрела не только систематический, институциональный характер, но превратилась в некоторую форму клептократии как неотъемлемого компонента властных отношений [7].

Сдерживающие меры в отношении коррупции могут быть реализованы пошагово и осторожно, поскольку, в сущности, они посягают на цивилизационные детерминанты и приоритеты, противоречат менталитету, психологии и самому жизненному укладу российского народа, всегда противопоставляющего себя «Западу» и «праву» как регулятору общественных отношений. Вместе с тем, данные меры должны инициироваться верховной властью и авторитарно, безапелляционно и абсолютно недемократично реализоваться её твёрдой политической волей, поскольку только верховная власть может позволить себе подобные «противоменталитетные авантюры». Ни на каком другом управленческом уровне антикоррупционные инициативы не могут иметь систематического и непоказного характера, поскольку крайне невыгодны чиновникам всех уровней, главным жизненным интересом которых является сохранение прежнего положения. Закрепление антикоррупционных практик может происходить только через повсеместную приказную управленческую инициализацию рутинизированных процедур с обязательностью их некорректируемого автоматического применения. В случае нарушения требований приказов и инструкций должны неминуемо следовать санкции, затрагивающие последующий запрет на работу в государственных организациях, снятие всяких социальных льгот, предоставленных государственной службой, наложение штрафов и временное отстранение от исполнения обязанностей.

Впрочем, богатый опыт выживания и формально-имитационной мимикрии [14] в России, вне всяких сомнений, позволит легко обойти запреты и детальные инструкции, в том числе разработанные с учётом западного опыта антикоррупционных мер. Например, создание специальной системы обучения чиновников, разъясняющей политический и общественный вред коррупции и возможные последствия участия в ней в российских условиях в принципе не может явиться эффективной мерой антикоррупционной борьбы, так как российские чиновники преимущественно хорошо осведомлены о «вреде» и «возможных последствиях участия». Также очевидно отсутствие реальных результатов внедрения антикоррупционной системы подбора лиц на должности, «опасные с точки зрения коррупции» [5; 15], бесполезной в российских условиях и вынуждающей руководство страны отказываться от подобных мер как «крайне недостаточно проработанных». Как и в любой восточной стране, механизмы регулирования коррупции в которой имеют преимущественно неправовой характер, позиция власти приобретает лозунговый характер и в принципе никак не должна в дальнейшем повлиять на реальное положение дел в этой сфере: «Надо что-то делать. Хватит ждать. Коррупция превратилась в системную проблему и этой системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ» [6]. Понимание механизмов цивилизационной детерминации, конечно, не означает абсолютной бесполезности социально-политических действий и образовательно-просветительских программ правовой и антикоррупционной направленности, в том числе направленных на формирование у граждан, прежде всего подрастающего поколения, совершенно иного, чем это имеет место сегодня, отношения к закону, нормам и правилам. Однако в любом случае проблемы правового государства и коррупции в России могут быть минимизированы только в цивилизационно детерминированных пределах, характерных для незападных неправовых механизмов регулирования коррупции в развивающихся странах Азии и Африки.

Литература:

1. *Бойцова Л.В., Бойцова В.В.* Конституционное право России и зарубежных стран в сравнительной перспективе [Электронный ресурс] // Тверской областной центр новых информационных технологий URL: <http://university.tversu.ru/misc/pravo/pravo.html> (дата обращения: 10.02.2015).
2. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. М.: Международные отношения, 1999. 400 с.
3. Доклад о ситуации с обеспечением прав человека в Соединённых Штатах Америки: 22 октября 2012 г. [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch>.

nsf/8f29680344080938432569ea00361529/885c1a6a526b8a7c44257aa000249c42 (дата обращения: 01.02.2015).

4. *Зыкова Т.* Болевой порог коррупции: Взяточники «правят бал» в шестидесяти странах мира // *Российская газета*. 2004. 21 октября.

5. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // *Чистые руки*. 1999. № 3. С. 69–79.

6. Коррупции дали месяц: Президент намерен доказать, что коррупция не является системообразующим элементом российской политики [Электронный ресурс] // «Независимая газета» URL: http://www.ng.ru/politics/2008-05-20/1_month.html (дата обращения: 01.02.2015).

7. *Латов Ю.В.* Коррупция [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/KORRUPTSIIYA.html?page=0,0 (дата обращения: 25.01.2015).

8. *Махалля* [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/101004> (дата обращения: 11.02.2015).

9. Послание Президента России Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. и 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] // *Российская газета*: [сайт]. URL: rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html; rg.ru/2013/12/12/poslanie.html (дата обращения: 01.02.2015).

10. *Пристенский В.Н.* Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права // *Социально-гуманитарные знания*. 2009. № 1. С. 147–148.

11. *Рубинский Ю.И.* Большая Европа: этапы становления [Электронный ресурс] // «Клуб мировой политической экономики» ГУ ВШЭ URL: <http://www.wpec.ru/text/200705211525.htm> (дата обращения: 06.02.2015).

12. Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия (круглый стол) / *Егоров В.Г., Комлева Н.А., Феофанов К.А., Волобуев О.В., Абрамова Ю.А., Абрамов А.В., Гонзалес Д.А., Багдасарян В.Э., Федорченко С.Н., Муштук О.З., Постников Н.Д.* // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2014. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/View/538> (дата обращения: 05.02.2015).

13. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // *Российская газета*. 2008. 30 декабря.

14. *Феофанов К.А.* Социально-политические и ценностно-ментальные особенности российского управления // *Социально-гуманитарные знания*. 2007. № 2. С. 88–102.

15. Фонд ИНДЕМ. Россия и коррупция: кто кого? Международный опыт борьбы с коррупцией: от неудач Китая до успехов Израиля // *Чистые руки*. 1999. № 3. С. 12–13.

16. Цели деятельности Общественного антикоррупционного комитета [Электронный ресурс] // Общественный антикоррупционный комитет. URL: <http://www.stopcorruption.ru/proects.htm> (дата обращения: 01.02.2015).

17. Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / *Крапивенский С.Э., Омельченко Н.В., Стризов А.Л.* и др.; под ред. д-ра филос. наук, проф. С.Э. Крапивенского. Волгоград: Изд-во ВГУ. 1998. 240 с.

18. *Чиркова Е.Е.* География коррупции [Электронный ресурс]. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/articles/087/0b8/5139892/Geografiya_korrupsi_i_Chirkova_MGU.pdf (дата обращения: 01.02.2015).

19. *Bardhan P.K.* Corruption and development // Journal of Economic Literature. 1997. Vol. 25. P. 1320–1346.

20. Corruption Perceptions Index (Индекс восприятия коррупции) [Электронный ресурс] // Transparency International». URL: <http://www.transparency.org/research/cpi/> (дата обращения: 01.02.2015).

21. *Heidenheimer A., Johnston M., Levine V.* Political Corruption: A Handbook. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1989. 363 p.

22. *Luhmann N.* Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981. 459 p.